

УДК 130.2

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА

А.В.Логинов

В работе рассматривается антропологическая составляющая кризиса современной цивилизации. Анализ проблематики осуществляется в рамках исследования дискуссий о глобализационных процессах современности.

Ключевые слова: цивилизационный кризис, философская антропология, человек, глобализация.

Прошедший век стал «антропологическим» веком, веком пристального внимания человека к самому себе, веком великих и трагических открытий, веком «антропологического поворота» в философии. Пережит страшный опыт тоталитарных режимов и мировых войн, над миром пронеслась целая серия реальных и идеологических революций, череда разочарований и обращений в новую веру. Осознание кризиса стало почти константой современной философии культуры. Кризис стал почти обыденным и банальным. «Начавшись под знаком «кризиса европейской культуры» социокультурный кризис рубежа XIX-XX вв. положил начало бурной кризисной эпопее, охватившей общество. Кризисы, принимая различные формы, сменяли друг друга, затрагивая самые разные стороны жизни» [1, с. 13].

XX столетие демонстрирует эволюцию кризиса и последствия, затронувшие и трансформировавшие все сферы общественной жизни: духовную, социальную, экономическую, политико-правовую. Осознание кризиса стало почти константой современной философии культуры. Кризис стал почти обыденным и банальным, его тема актуальна сегодня, как никогда. В связи с этим целью настоящей работы является попытка осмысления цивилизационного кризиса с антропологических позиций. Предметом исследования выступает человек нынешней эпохи, погруженный в проблематические условия существования, связанные с глобализационными процессами, а объектом – динамика и эволюция кризисности современной цивилизации. Новизна авторского подхода заключается в тезисе о том, что преодоление негативных тенденций социокультурного развития возможно только в рамках демократических институтов и благодаря реализации принципов гражданского общества.

Особой темой философии XX века становится интерпретация кризиса, постановка «диагноза» времени. Осознание нестабильности, кризисности современной цивилизации во многом способствовало интенсивности антропологических исследований. Философская мысль в прошлом столетии двигалась от выявления кризиса социокультурного к осознанию кризисности, нестабильности самой природы человека. Кризис воспринимается как неотъемлемая

черта человеческой природы. Само возникновение философской антропологии как отдельного течения связано с кризисным самосознанием европейской культуры первой половины XX в. Именно из кризиса самосознания, кризиса идентичности рождается философская антропология. Кризис идентичности был характерен для философии в послеидеалистический период.

Философская антропология принадлежит истории кризиса, в результате которого была разрушена традиционная самоинтерпретация человека, возникла потребность в новой самоинтерпретации. В немецкой антропологической традиции были предложены различные варианты подобной самоинтерпретации. Парадоксальность антропологического проекта состояла в том, что человека, по мнению представителей этого течения, вообще невозможно определить, человек предстает как существо открытое, незавершенное, становящееся, пластичное. Эта новая самоинтерпретация человека возникла в условиях отсутствия культурных скреп, в условиях распада ценностей европейской культуры.

В настоящее время тема кризиса звучит в философских дискуссиях по поводу глобализации, в противостоянии глобализма и антиглобализма. Глобализм и антиглобализм превращаются в своеобразные идеологии со многими, присущими идеологиям чертами. Свои позиции в отношении глобализации выразили практически все политические партии, проводятся междисциплинарные конференции по проблемам глобализации. Интересно, что антиглобализм стал столь же глобальным явлением, как и антиглобализм. Антиглобалисты объединены в международные организации, проводят акции по всему миру, настолько же мобильны, как и представители глобализма. Следует отметить, что очень часто дискуссии о глобализации политически ангажированы. При этом обсуждение превращается либо в слепую агитацию за глобализацию, либо столь же слепую критику. В то же время данная тема требует достаточно спокойного и внимательного анализа. Глобализация – понятие достаточно многозначное. Изначально этот термин связан с экономикой. Под глобализацией понимается увеличивающаяся экономическую взаимозависимость стран мира как результат международных перемещений товаров, услуг и интернациональных потоков капитала, а также все более быстрого и широкого распространения технологии. Очень часто глобализация понимается гораздо шире. Она рассматривается ее как широкий, многоплановый процесс, захватывающий все стороны человеческого общества. При этом не отрицается то, что глобализация вытекает из саморазвития экономики, она рассматривается как объективный экономический фактор, выделяются отдельные фазы глобализации. Отмечается социальное значение глобализации. Некоторые авторы оптимистично пишут о «росте человеческого благосостояния», другие, напротив, отмечают деструктивное влияние глобальных процессов. Первые пишут о «новом мировом порядке», вторые о «мировом беспорядке», хаосе. По мнению некоторых, глобализация способствует формированию единого мирового социально-экономического строя, фактически приводя к одновариантности развития, по мнению других, она скорее углубляет социальное неравенство и фрагментированность социального пространства. Некоторые пишут о «международном распространении культуры» (видимо,

европейско-американской культуры), другие о процессе культурного нивелирования, разрушении традиций. Часто речь идет о формировании универсальной общечеловеческой культуры, общечеловеческих ценностей правда, до сих пор не ясно, что считать таковыми ценностями. Следует отметить, что дискуссии о глобализации нашли отражение практически во всех социальных науках. Экономисты чаще всего оперируют с абстрактными понятиями свободного рынка, международного разделения труда, инвестиций, возрастающей эластичности рынка труда и так далее. В работах юристов мы найдем рассмотрение процессов, происходящих в международном праве, о правах человека, о стирании границ между отдельными правовыми системами. Политологи и политики рассматривают трансформацию суверенитета национальных государств, изменившуюся геополитическую ситуацию, изменение центров власти в мировом масштабе [2, с. 9]. Такого рода наблюдения характерны для таких ведущих современных социологов и социальных философов, как З. Бауман, П. Бурдьё, У. Бек, И. Валлерстайн, Э. Гидденс.

Практически все авторы пишут об уникальности, беспрецедентности переживаемой нами эпохи, вместе с тем, о кризисности или даже катастрофичности происходящих изменений. Иммануэль Валлерстайн утверждает, что «социум первой половины XXI в. по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости превзойдет все виденное нами в веке XX». Валлерстайн использует для описания происходящих изменений понятие миро-систем. По его мнению, «современная миро-система как система историческая вступила в стадию завершающего кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет» [3, с. 5]. Он полагает, что на смену данной миро-системы должна прийти новая, черты которой описать невозможно.

Ульрих Бек указывает, что «в настоящее время происходит ... творческое саморазрушение мирового порядка, в котором пока еще доминируют «легитимные» национальные государства» [4]. Место объективного знания занимает ощущение постоянной угрозы, неуверенности. Как полагает У. Бек, в обществе риска важны не различия между людьми в зависимости от дохода, образования, местожительства. Перед лицом новых опасностей стираются традиционные сословные и классовые различия. «Общество риска» представляет собой сообщество индивидов, объединенных страхом и неуверенностью перед лицом новых опасностей. Это «общество, чреватое катастрофами». Каждая из этих катастроф имеет политический потенциал, связанный с возможной трансформацией управленческих структур. Движущий потенциал современного общества – безопасность, стратегия, применяемая в современном обществе – стратегия оборонительная, направленная на минимизацию рисков. Место общности нужды занимает общность страха [5]. Зигмунт Бауман отмечает: «На современной стадии ... мы вступили на территорию, которая прежде не была населена людьми, на территорию, которую раньше культура не считала пригодной для жизни» [6, с. 55]. Социолог, таким образом, не склонен выносить окончательного решения по поводу пригодности этой «территории» к существованию.

По мнению Бурдьё, для современной эпохи характерна незащищенность и ощущение невозможности контролировать социальные процессы. Согласно Бурдьё,

«претензии в отношении будущего не могут предъявляться теми, кто не контролирует свое настоящее». В то же время возможности контроля безнадежно лишено большинство обитателей глоболизирующегося мира. В то же время он отмечает, что у глобализации есть своя стратегия, что современному обществу пытаются навязать определенный образ глобализации [7].

Энтони Гидденс относится к глобализации скорее положительно, но в то же время рассматривает и аргументы антиглобалистов. Современное общество, подобно Беку, им рассматривается как «общество риска»: «В традиционных обществах концепции риска не было, потому что они в ней не нуждались. Риск – это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется в обществе, ориентированном на будущее, для которого будущее – территория колонизации» [8, с. 39]. Риск стал проявляться на заре существования индустриального общества, уже в этот момент проявилось два аспекта риска: позитивный и негативный. «Современный капитализм внедряется в будущее благодаря тому, что оценка будущих прибылей и убытков, а значит и риска, превращается в непрерывный процесс» [8, с. 41]. Изобретение бухгалтерского учета позволило просчитать риски вложения капитала, страховка позволяет свести риски к минимуму. Страховка определяет ту грань, за которой человек уже не готов идти на риск. Отличие современного риска от обществ прошлого состоит в том, что в настоящее время мы имеем дело с рукотворными рисками, в настоящее время все в большей степени источником риска становится не природа, а сам человек. Правительства должны научиться управлять рисками. Человек сталкивается с постоянной недостаточностью знания. Наука соучаствует в производстве рисков. Концепция риска разрабатывается также у Н. Лумана (Н. Луман «Понятие риска» // Thesis. 1994, 5) Луман анализирует соотношение понятий «риск/ надежность», «риск/опасность», отмечая, что вторая пара противоположностей более приемлема для социологического анализа. Нельзя дать однозначное понятие надежности также как нельзя дать однозначное определение понятию здоровья. Для Гидденса же понятие риска связано не столько с тем, что повседневная жизнь стала более рискованной, чем раньше, но с тем, что современный человек вообще стал мыслить в категориях риска. Действительно, в категориях риска в настоящее время мыслят как обыватели, так и эксперты. Так, к примеру, в экономике экспертная оценка рисков приобретает все большее значение. Проблема состоит в том, что области, в которых человек чувствует себя экспертом постоянно сужаются. Требуется все большая специализация, без которой нельзя вынести квалифицированного суждения.

Оспаривая аргументы антиглобалистов, Гидденс пишет об относительности традиций и о недавнем происхождении многих из них, о связи фундаменталистских движений с процессом глобализации и о невозможности возникновения фундаментализма без нее. Возможность разрешения многих глобальных проблем Гидденс связывает с развитием демократических институтов и культуры публичных дискуссий в современном обществе. В этом смысле его позицию можно сравнить с позицией У. Бека, который выступает за глобальное же гражданское общество,

способное поставить под контроль глобальные экономические структуры. Один из самых мощных ударов глобализационные процессы нанесли по национальным государствам. Об этом пишут Г. Х. фон Вригт, У. Бек, З. Бауман, И. Валлерстайн. По словам Г. Х. фон Вригта, «национальное государство, видимо, подвергается эрозии, а может быть, и «отмирает». Силы эрозии *транснациональны*», эти силы, их формы и деятельность окутываются покровом таинственности; они служат скорее предметом гаданий, нежели достоверного анализа.

Как пишет фон Вригт, «...формирующие мир силы транснационального характера по большей части анонимны и потому с трудом поддаются идентификации. Они не образуют единой системы или порядка. Они являются агломерацией систем, которыми манипулируют по большей части «невидимые» акторы... Данные силы не обладают ни единством, ни целенаправленной координацией... Рынок — это не столько договорное взаимодействие конкурирующих сил, сколько перетягивание каната между манипулируемым спросом, искусственно созданными потребностями и желанием быстрой наживы» [9, с. 84-85].

Зигмунт Бауман, солидаризируясь с Вригтом, пишет: «Все это окружает происходящее на наших глазах «отмирание» национальных государств атмосферой природной катастрофы. Причины ее не вполне понятны; точно предсказать ее нельзя, даже если бы причины были известны; и даже предсказав, ее безусловно нельзя предотвратить. Эта тревожность — естественная реакция на ситуацию без очевидных рычагов контроля...» «Коротко говоря: *контроля, судя по всему, сейчас нет ни у кого*. Хуже того — неясно, что в нынешних условиях могло бы значить само понятие «контролирования». Как и прежде, все упорядочивающие инициативы и действия локальны и проблемно ориентированы. Но уже нет ни такой локальности, которой бы хватило самонадеянности, чтобы выступать от имени человечества в целом и рассчитывать на внимание и послушание всего человечества; ни такой отдельной проблемы, которая бы могла, претендуя на глобальный консенсус, отразить и сконцентрировать тотальность глобальных процессов» [9, с. 89].

Следует отметить, что есть и другие точки зрения. Международный капитал и финансы не скованы никакими принципами этики, никакими пространственными ограничениями, фактически не могут быть привлечены к ответу. «Побег и ускользание приходят на смену присутствия как главного приема господства». Поскольку важнейшие процессы выходят из-под контроля, утрачивается политическая воля, то есть вера в то, что коллективные действия способствуют достижению чего-либо существенного. Правительства опасаются «отпугнуть инвесторов», замедлить рост ВВП. Мир находится во власти абстрактных факторов: конкуренция, свободная торговля, мировые рынки, глобальные инвесторы. Некоторые авторы (Дж. Бхагавати) [10] отмечают, что критики глобализации преувеличивают могущество транснациональных корпораций и слабость национальных государств. Другие пишут об особом месте США в современной мировой политике и об американском империализме. Существует также теория, согласно которой появляется новый центр власти, оказывающий влияние на

мировые политические процессы. Антонио Негри и Михаэлем Хардтом в своей книге «Империя» (2000) они утверждают, что в действительности системе противоборствующих национальных империалистических государств пришел конец, более того, что границы между «первым» и «третьим» миром стираются процессами глобализации. Новый глобальный капитал при помощи своих институциональных инструментов создает, с их точки зрения, новый глобальный имперский суверенитет. В нее включены правящие круги как центра, так и периферии глобального хозяйства. Возражая против антиамериканизма, Негри и Хардт полагают, что у возникающей Империи нет единого центра. Следует отметить, что при детальном анализе экономических, политических, культурных измерений глобализации, достаточно редко обращается внимание на ее антропологическое измерение. Какого рода последствия связаны с воздействием глобализационных процессов на отдельных людей?

Наиболее точный и жесткий анализ антропологических последствий глобализации предпринят у Зигмунта Баумана. Современное общество определяется им как индивидуализированное. Показательным примером являются современные реалити-шоу, популярные на Западе и в России. Для них характерно то, что несмотря на командный характер, они предельно индивидуалистичны. Победителем оказывается тот, кто оказался удачливее своих соперников по команде. Взаимопомощь и партнерство имеют временный характер. В пределе должен остаться всего один победитель: «команда необходима для самопродвижения наиболее смекалистых игроков, и без этой функции она не имеет никакой ценности» [10].

Зрителям популярных телевизионных шоу демонстрируется «используемость человека. Нет незаменимых людей, никто не может претендовать на долю результата, достигнутого совместными усилиями ... Жизнь - это жестокая игра для жестких людей. Каждый ее раунд начинается с нуля, прошлые заслуги не учитываются, а истинную цену человека показывает лишь результат последней дуэли» [10]. Нарастает чувство неопределенности – *Unsicherheit*. Реакцией на чувство неопределенности является агрессия. Общество начала XXI в. характеризуется стремительным усложнением экономических процессов, с другой стороны – нарастающей фрагментированностью человеческого существования. В современном обществе утрачен баланс между общественным и частным. «Частное» вторглась на территорию общественного, общественное «колонируется» частным, «публичный интерес» деградирует до любопытства к частной жизни общественных деятелей. Для индивидуализированного общества характерна утрата контроля над большинством социальных процессов, возрастающая неопределенность и незащищенность перед лицом перемен, стремление человека отказаться от перспективных целей ради получения немедленных результатов. Люди все чаще отказываются от «долгосрочной» ментальности в пользу «краткосрочной». Жизнь человека превращается в «биографическое разрешение системных противоречий». (Бек)

В современном обществе выделяются, согласно Бауману, два важных антропологических типа: туристы и бродяги. В современном мире отсутствуют

«свободные места» и «естественные границы». Люди превращаются в кочевников, которые постоянно находятся на связи. Феномен движения связан с феноменом потребления. Идеальный потребитель избавляется от постоянных привязанностей, ни одна потребность не может рассматриваться как полностью удовлетворенная, ни одна привязанность нельзя считать постоянной. Потребители должны легко возбуждаться и легко терять интерес, культура общества потребления основана на забывании. Потребители обречены на вечное движение, они ищут и не находят. «Верхи» в этом обществе путешествуют куда угодно, «низы» вытесняются с их мест. «Верхи» наслаждаются тем, что могут путешествовать по жизни куда душе угодно и выбирать пункт назначения в зависимости от того, какие удовольствия можно получить. А низших временами просто «вышвыривают» из родных мест, которые они никогда не покинули бы по доброй воле...» [11]. Туристами становятся по своей воле, бродягами, поскольку нет другого выбора. «Почетное место сегодня среди факторов социальной стратификации занимает «доступ к глобальной мобильности...» [11, с. 125] Противоположностью мобильности является прикованность к своему месту и непосредственному окружению. Можно было бы сказать о третьей категории людей, лишенных мобильности, обездвиженных. Но если вдуматься их нельзя считать самостоятельной социальной группой, поскольку они в любой момент могут превратиться в бродяг, так как стены их домов рухнут, привычные условия обитания разрушатся. Тот, кому запрещено передвигаться, обречен пассивно переносить перемены. Туристы передвигаются свободно и без виз, на вторых распространяется действие иммиграционного контроля. Туристы отправляются в путь, куда пожелают, обладая свободой выбора. Бродяги свободой не обладают. Бродяги – путешественники, которым отказано в праве стать туристами. Привлекательность глобализации связана, по Бауману, с привлекательностью образа туриста. Этот образ, стиль жизни тиражируется, рекламируется средствами массовой информации, он привлекателен для всех, но он доступен далеко не всем. Бродяги – это обратная сторона мира туриста. Бродяги – путешественники, которым отказано в праве быть туристами. Турист и бродяга – потребители, только для вторых возможность потреблять максимально ограничена. Бродяга способен понять туриста, жизнь туриста – это идеал для него, другой жизни он вообще не знает. И туриста, и бродягу превратили в потребителей, но бродяга – это потребитель с изъяном. Отношение с миром и у тех, и у других – эстетическое, они коллекционируют свои переживания. Современное общество продуцирует в людях чувство постоянной неудовлетворенности. Самая страшная угроза состоит в том, что люди начнут довольствоваться тем, что у них есть. Туристы рассматривают бродяг как нечто неприятное и отвратительное, поскольку всегда сохраняется внутреннее родство между ними. Грань между туристами и бродягами достаточно условна: всегда остаются переходные категории людей, чье положение точно не определено. Турист никогда не может быть полностью уверенным в завтрашнем дне, бродяга иногда получает шанс превратиться в туриста. Радость путешествия для туриста может потерять свое очарование, поскольку он уже не может не выбирать, фактически он теряет свободу выбора. Возникает искушение найти иной путь к счастью, но судьба бродяг не дает успокоиться туристам. «Образ бродяги ...

делает их собственную жизнь сносной, превращает трудности в мелкие раздражители...» [11, с. 139].

Идеология глобалистов в среде интеллектуалов отражается в описании опыта нового типа, опыта «промежуточности», «разъединенности», «трансцендентности». «Гибридизация и поражение «сущности», провозглашаемое в постмодернистских апологиях «глобализирующегося» мира, ни в коей мере не передает всю сложность и остроту противоречий, раздирающих мир» [11, с. 142]. Постмодернистские описания не соответствуют постсовременного мира. «Периферийные зоны» лишь только слегка затронуты глобальными символами. Для современной эпохи характерен растущий разрыв между глобализованными элитами и народом, констатирует английский социолог. Какие же альтернативы предлагаются создаваемому «мировому порядку» («беспорядку»? В противовес формирующемуся общественному порядку предлагаются достаточно различные альтернативы. Весьма популярен лозунг «укрепления гражданского общества», или «новой гражданственности». Его сторонники пропагандируют активное участие граждан в процессе принятия политических решений. Согласно этим представлениям, граждане должны быть хорошо информированными и сознательными, чтобы иметь возможность правильно использовать имеющиеся механизмы представительной демократии и благодаря этому контролировать глобализацию. Общественные организации, составляющие основу антиглобалистского движения, должны, по мнению приверженцев «новой гражданственности», стать главным субъектом активного гражданского общества. Левое крыло сторонников «новой гражданственности» выдвигает идею «демократии участия».

Поскольку национальный суверенитет сегодня очень ослаблен, выход сегодня должен быть найден в усилении самоопределения населения как выражения национального суверенитета. Некоторые авторы вообще скептически относящаяся к государству, отвергает ориентацию на политическую власть и реформы в рамках существующего строя и настаивает на параллельном, «альтернативном» развитии общества.

ВЫВОД. Опираясь на описанные выше концепции, можно прийти к заключению о том, что преодоление негативных тенденций глобализации возможно лишь в рамках демократических институтов и благодаря реализации возможностей гражданского общества.

Список литературы

1. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса - М., 2003.
2. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление - М., 2002.
3. Глобализация. Антиглобализм // www.krugosvet.ru
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. - М., 2004.
5. Бек У. Космополитическая глобализация // www.globalaffairs.ru/
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - М., 2000.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. -М., 2005 С. 55.
8. Бурдьё П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас 2002. № 5.
9. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. - М., 2004.
10. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. - М., 2004.

11. Бхагавати Д. В защиту глобализации. - М., 2005.
12. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. - М., 2004.

Логинов А.В. Антропологічний вимір цивілізаційної кризи

У роботі розглядається антропологічна складова кризи сучасної цивілізації. Аналіз проблематики здійснюється в рамках дослідження дискусій про глобалізаційні процеси сучасності.

Ключові слова: цивілізаційна криза, філософська антропологія, людина, глобалізація.

Loginov A.V. Anthropological measurement of civilization's crisis

In work, the anthropological component of crisis of a modern civilization is considered. The problematic analysis is carried out within the limits of research of discussions about present processes of globalization.

Keywords: civilization's crisis, philosophical anthropology, the person, globalization.

Поступило в редакцію 11.09.2007